

УДК 343.140

DOI 10.17223/22253513/17/3

А.Н. Калюжный, В.Н. Чаплыгина

НОВЕЛЛЫ РЕФОРМИРОВАНИЯ ПРОВЕРКИ СООБЩЕНИЙ О ПРЕСТУПЛЕНИЯХ: ПРОБЛЕМЫ РЕАЛИЗАЦИИ И ПУТИ СОВЕРШЕНСТВОВАНИЯ

В статье анализируются проблемы правоприменительной деятельности и законодательная конструкция норм, регулирующих особенности рассмотрения и разрешения сообщений о преступлениях. Проводится исследование затруднений, возникающих у лиц, разрешающих сообщения о преступлениях; указывается на неопределенность процессуальной формы некоторых как процессуальных, так и следственных действий, проводимых на данной стадии. Предлагаются видимые пути разрешения этих проблем.

Ключевые слова: процессуальные действия, возбуждение уголовного дела, процессуальные гарантии, предварительная проверка.

Являясь неотъемлемым атрибутом любого государства, уголовно-процессуальное законодательство не может не отражать происходящие в нем перемены, направленные на оптимизацию и совершенствование новых моделей взаимоотношений личности и власти, изменение уровня эффективности защиты интересов участников уголовного судопроизводства, и преобразование качества реализации процессуальных функций.

Современная уголовно-процессуальная доктрина позволяет по-новому взглянуть на многие научные положения, переосмыслить их с учетом изменений приоритетов уголовно-процессуальной политики, выработать наиболее оптимальные пути повышения качества и результативности процессуальной деятельности.

Федеральным законом от 4 марта 2013 г. № 23-ФЗ «О внесении изменений в статьи 62 и 303 Уголовного кодекса Российской Федерации и Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации» [1] были существенным образом реформированы некоторые уголовно-процессуальные институты, расширены права участников уголовного судопроизводства как со стороны защиты, так и со стороны обвинения. Трансформации был подвергнут и институт предварительной проверки сообщений о преступлениях, что, в свою очередь, требует анализа произведенных новелл с учетом реалий сегодняшнего дня и возможностей судебно-следственной практики.

Исследование положений ряда измененных норм указывает на поспешность законодателя в формулировании их содержания и некорректность изложения некоторых из них, что не способствует единообразному пониманию их сущности, вызывает противоречивость толкования данных положений и приводит к затруднениям в их реализации правоприменителями.

Проведенными преобразованиями был расширен перечень следственных и процессуальных действий, производство которых допустимо на этапе пред-

варительной проверки сообщений о преступлениях и к ранее имевшимся действиям добавлена возможность получения объяснений, образцов для сравнительного исследования и изъятия предметов и документов в порядке, предусмотренном уголовно-процессуальным законодательством.

Упомянутое ранее лишь в перечне прав участников судопроизводства получение объяснений выступило «новым» процессуальным действием для лиц, производящих предварительную проверку сообщений о преступлениях, и «новизна» его заключается в закреплении прямой возможности его реализации в нормах уголовно-процессуального законодательства. До внесенных изменений такая возможность была предусмотрена в ходе производства следственных действий (ч. 2 ст. 18, п. 2 ч. 2 ст. 46, п. 5 ч. 1 ст. 198 УПК РФ и др.), оперативно-розыскных мероприятий (п. 1 ст. 6 Федерального закона «Об оперативно-розыскной деятельности» [2]), действий, проводимых в рамках административного законодательства (ч. 2 ст. 24.2, ч. 1 ст. 25.1, ч. 2 ст. 26.2 КоАП РФ [3] и др.).

В то же время положения уголовно-процессуальной доктрины, предоставив возможность получения объяснений лицам, осуществляющим предварительную проверку сообщений о преступлениях, так и не закрепили процессуальный порядок производства данного действия, хотя обязали лиц, их осуществляющих, разъяснять права и обязанности участникам уголовного судопроизводства (ч. 1¹ ст. 144 УПК РФ). Правоммерно возникает вопрос о статусе этих лиц, ведь до момента возбуждения уголовного дела статус участников предварительной проверки сообщений о преступлениях не определен. Нетрудно предположить, что процессуальные положения будущего подозреваемого, будущего потерпевшего или свидетеля будут различны. В настоящее время возможность наименования этих участников и содержание их процессуальных статусов законодатель оставил незакрепленными, предоставив лицам, осуществляющим предварительную проверку, руководствоваться общими принципами уголовного судопроизводства и своим внутренним убеждением.

Более того, нерегламентированность нормами уголовно-процессуального законодательства формы выражения полученных объяснений, несмотря на содержание ч. 1² ст. 144 УПК РФ, закрепляющей возможность их использования в качестве доказательств, при условии соблюдения требований ст. 75 и 89 УПК РФ, создает неопределенность у правоприменителей. А.С. Александров и М.В. Лапатников данные изменения уголовно-процессуального законодательства называют революционными и указывают на стирание граней между процессуальной и непроцессуальной деятельностью [4. С. 27].

Полагаем необходимым при получении и составлении объяснений руководствоваться положениями, регламентирующими порядок производства допроса, за исключением правила о предупреждении опрашиваемого об уголовной ответственности за отказ от дачи показаний или дачу заведомо ложных показаний по ст. 307, 308 УК РФ. О схожести природы данного процессуального действия с допросом свидетельствует и закрепление законодателем права не свидетельствовать против самого себя, своего супруга и других близких родственников, круг которых определен законом, а также права пользоваться услугами адвоката (ч. 1¹ ст. 144 УПК РФ).

Еще одним из разрешенных процессуальных действий, производство которого допустимо на стадии возбуждения уголовного дела, стало получение образцов для сравнительного исследования, предусмотренное ст. 202 УПК РФ. Сбор образцов для сравнительного исследования может рассматриваться и как оперативно-розыскное мероприятие, порядок производства которого закреплен в ст. 5 Федерального закона «Об оперативно-розыскной деятельности в РФ» [2], и применяемое в практической деятельности оперативных подразделений правоохранительных органов.

Исходя из позиции Конституционного Суда РФ, который в своих определениях указал, что сбор образцов для сравнительного исследования как оперативно-розыскное мероприятие не означает лишение лица, в отношении которого оно проводится, государственной защиты его прав и свобод и права на квалифицированную юридическую помощь [5, 6], допустив возможность его проведения до возбуждения уголовного дела в рамках предварительных проверок.

Внесенными изменениями была расширена сфера использования изымаемых образцов, которые могут быть получены не только для производства судебной экспертизы, но и для иных исследований, проводимых как на стадии предварительного расследования, так и на стадии возбуждения уголовного дела. Полагаем вполне оправданным решение законодателя о разрешении получения образцов для сравнительного исследования как процессуального действия на стадии возбуждения уголовного дела. Проанализированная нами следственная практика производства получения образцов для сравнительного исследования в ходе разрешения сообщений о преступлениях указывает на наличие четкой процессуальной основы, предусмотренной в ч. 1 ст. 144 УПК РФ и ч. 1 ст. 202 УПК РФ.

Кроме процессуальных, трансформации подверглись и следственные действия, производство которых возможно до возбуждения уголовного дела, и к трем ранее допустимым в качестве исключения – осмотру места происшествия, осмотру трупа и освидетельствованию – добавлены еще три: осмотр предметов, осмотр документов и судебная экспертиза, анализ положений которых позволяет утверждать о перерождении исключительности в общность, образованную системой следственных действий, допустимых в ходе предварительной проверки сообщений о преступлениях. Данные нововведения позволяют утверждать о смене приоритетов уголовно-процессуальной политики и переходе от принципа исключительности следственных действий, проводимых до возбуждения уголовного дела, к формированию системы следственных действий, проводимых на данной стадии по общему правилу.

Однако поспешность законодателя в осуществлении новаций стадии возбуждения уголовного дела привела к некорректному изложению ряда положений, исключаящему их единообразное толкование. Так, например, положение ч. 1 ст. 144 УПК РФ, закрепляющее возможность лиц, осуществляющих проверку сообщений о преступлениях, изымать образцы, предметы и документы в порядке, установленном уголовно-процессуальным законодательством, в процессе ее широкого толкования, позволяет в круг следственных действий, в рамках которых возможно изъятие образцов, веществ и предметов, допустимых до возбуждения уголовного дела, включить, кроме

освидетельствования и осмотра места происшествия, предметов и документов, такие следственные действия, как выемка и обыск.

В то же время анализ специальных норм уголовно-процессуального законодательства, регламентирующих порядок и особенности производства конкретных следственных действий (ст. 182, 183, 184 УПК РФ), позволяет утверждать о возможности производства обыска, выемки и личного обыска только после возбуждения уголовного дела. Об этом же свидетельствует проанализированная нами судебно-следственная практика, в ходе которой правоприменители руководствуются положениями специальных норм по отношению к содержанию общей нормы, изложенной в ч. 1 ст. 144 УПК РФ.

Вместе с тем осмотры предметов и документов являются одними из основных источников получения доказательственной информации и по общему правилу проводятся в рамках тех следственных действий, в ходе которых они изымаются [7]. Необходимость проведения осмотров предметов и документов как отдельных следственных действий до возбуждения уголовного дела спорная, но, учитывая обязанность лиц, изымающих предметы и документы, описывать их индивидуальные особенности в протоколах, которыми они изымаются, вполне объяснимая. Анализ осмотров предметов и документов лицами, осуществляющими проверку сообщений о преступлениях, показал их достаточно активное использование как следственных действий, а допустимость в ходе их применения изъятия следов, веществ, предметов не вызывает сомнений.

Практика их применения не вступает в противоречие с положениями ч. 2 ст. 176 УПК РФ, являющейся специальной по отношению к ч. 1 ст. 144 УПК РФ и прямо указывающей как на возможность производства данных следственных действий до возбуждения уголовного дела, так и на возможность изъятия при их производстве следов, веществ и предметов. К тому же отсутствие указания на исключительность их производства на рассматриваемой стадии еще раз подчеркивает формирование системы следственных действий, допустимых до возбуждения уголовного дела.

К следственным действиям, производство которых возможно до возбуждения уголовного дела, относится также судебная экспертиза, хотя вопрос о целесообразности проведения ее на данной стадии долгое время оставался дискуссионным. Более того, современная история развития уголовно-процессуальной доктрины подчеркивает, что будучи пять лет закрепленной в УПК РФ, возможность назначения судебной экспертизы (с 2002 по 2007 г.) в ходе предварительной проверки сообщений о преступлениях [8, 9] так и не была практически реализована. Ни судебная, ни следственная практика на стадии возбуждения уголовного дела не проводили экспертизы, имея в ч. 4 ст. 146 УПК РФ, действующего в тот период времени законодательства, нормативные основания для их производства.

Наиболее остро потребность в производстве судебных экспертиз в рамках предварительной проверки возникает при решении вопроса о возбуждении уголовного дела по делам о дорожно-транспортных происшествиях, причинении вреда здоровью, экономическим преступлениям и др. Но максимальную актуальность производство судебных экспертиз на данной стадии имеет по делам о незаконном обороте наркотических средств, психотропных ве-

ществ, оружия, боеприпасов и др., когда в ходе их исследования применяются разрушающие методы, влекущие видоизменение объектов, уменьшение количества исследуемого вещества, а зачастую и невозможность последующего производства экспертиз (отстрел патрона, подрыв боеприпаса и т.д.).

Анализ действующего уголовно-процессуального законодательства показывает, что законодатель, стараясь предупредить прошлые ошибки и создать действующий институт, закрепил не только возможность назначения судебной экспертизы до возбуждения уголовного дела в ч. 1 ст. 144 УПК РФ, но и продублировал данное положение в специальной норме – ч. 4 ст. 195 УПК РФ. Данное положение позволило лицам, осуществляющим предварительную проверку сообщений о преступлениях, выносить постановления о назначении соответствующей судебной экспертизы и назначать ее проведение.

Несмотря на позитивные тенденции в этом направлении, институт назначения судебной экспертизы на стадии возбуждения уголовного дела далек от совершенства, имея неопределенность и в процессуальном статусе лиц, чьи интересы затрагивает производство судебной экспертизы на данной стадии, и в вопросах заявления ходатайств о выборе экспертного учреждения, и в возможности отвода эксперта, и в вопросах присутствия при ее проведении, и в других правах, предусмотренных ст. 198 УПК РФ. Не ясна и возможность помещения лица, в отношении которого проводится экспертиза, в медицинскую или психиатрическую организацию, реализация которой допустима лишь по решению суда и только по возбужденному уголовному делу. Невзирая на положения ч. 1 ст. 144 УПК РФ, допускающие возможность производства стационарных судебно-медицинских и судебно-психиатрических экспертиз до возбуждения уголовного дела, считаем их проведение невозможным и недопустимым, исходя из специфики целей предварительной проверки сообщений о преступлениях, отсутствия необходимых данных о личности, неопределенности процессуального статуса подэкспертного, временных рамок данной стадии и др. Не логично и положение законодателя об обязательности производства повторной или дополнительной экспертизы, при получении соответствующего ходатайства после возбуждения уголовного дела (ч. 1² ст. 144 УПК РФ), что ставит под сомнение доказательственное значение проведенной экспертизы и противоречит нормам этой же части статьи, указывающим на возможность использования полученных сведений в качестве доказательств.

Как мы уже подчеркивали ранее, имеется существенная неопределенность в процессуальном статусе лиц, интересы которых затрагивает производство судебной экспертизы, в возможности реализации их прав, обязанностей и процессуальных гарантий.

Кроме того, естественное снижение показателей судебно-экспертных подразделений, основанное на вынужденном отказе от вынесения справок об исследовании предметов, веществ и документов, служивших первоначальной основной назначения экспертиз, негативно сказалось на показателях их деятельности. Данное обстоятельство вынуждает использовать возможности вновь введенного института не в полной мере, основываясь на практике взаимодействия экспертных и иных подразделений, участвующих в ходе решения поступившего сообщения о преступлении.

Также необходимо отметить, что исследования предметов и документов на стадии возбуждения уголовного дела в отличие от экспертиз имеют преимущества в оперативности их проведения и преследования лишь одной цели: получения данных, указывающих на признаки преступления. Недостатками исследований предметов и документов являются: обязанность последующего назначения экспертиз, отсутствие информативности исследования, так как специалистами не описывается его методика, и невозможность проверяемости полученных результатов в силу разрушения объекта исследования. А закрепляемая законодателем возможность получать заключение судебной экспертизы в разумный срок (ч. 1 ст. 144 УПК РФ), по справедливому утверждению А.Р. Белкина, выглядит ничем не подкрепленной декларацией [10. С. 12], объективно не учитывающей технологические особенности производства экспертиз.

Исходя из вышеизложенного, нам представляется, что проведение судебной экспертизы на стадии возбуждения уголовного дела явилось позитивным и долгожданным решением законодателя, которое необходимо при применении разрушающих и других методов исследований, влекущих видоизменение объектов, уменьшение их количества и не позволяющих в дальнейшем проведение последующих экспертиз. Исходя же из ограниченности предварительной проверки материалов временными рамками, а также при наличии возможности уничтожения доказательств преступниками, оказании им консультативной помощи, искажающей объективность расследования, возможности осуществления ими противодействия расследованию, целесообразно прибегать к использованию исследований предметов и документов, возбуждать уголовное дело и использовать весь арсенал оперативных, следственных и процессуальных действий.

Таким образом, рассмотрев новеллы реформирования института предварительной проверки сообщений о преступлениях, мы пришли к следующим выводам:

а) расширение перечня процессуальных и следственных действий, производство которых стало возможным до возбуждения уголовного дела, было направлено на оптимизацию средств проверки сообщений о преступлениях и предполагало повышение эффективности судебно-следственной практики;

б) увеличив количество следственных действий, проводимых на стадии возбуждения уголовного дела, законодатель «сломав» имевшийся стереотип исключительной возможности их производства, сформировав систему следственных действий, проводимых на данной стадии по общему правилу;

в) проведя преобразования средств проверки сообщений о преступлениях, законодатель не определил процессуальный порядок производства некоторых из них (получение объяснений, помещение в медицинскую или психиатрическую организацию для производства экспертизы), не закрепил их процессуальную форму, нечетко и двусмысленно сформулировал содержание нормативных положений о некоторых из них, что негативно сказывается на правоприменительной практике;

г) поспешность проведенных нововведений свидетельствует об ослаблении процессуальных гарантий участников уголовного судопроизводства, неопределенности их процессуального статуса на стадии возбуждения уголов-

ного дела и создании законодателем предпосылок для возможных нарушений прав личности.

Литература

1. *Федеральный закон от 04.03.2013 № 23-ФЗ «О внесении изменений в статьи 62 и 303 Уголовного кодекса Российской Федерации и Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации»* // Собрание законодательства РФ. 2013. № 9. Ст. 875.
2. *Федеральный закон от 12.08.1995 № 144-ФЗ «Об оперативно-розыскной деятельности»* // Собрание законодательства РФ. 1995. № 33. Ст. 3349.
3. *Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях от 30.12.2001* // Собрание законодательства РФ. 2001. № 1. Ч. 1. Ст. 1.
4. *Александров А.С., Лапатников М.В.* Старые проблемы доказательственного права в новой уголовно-процессуальной упаковке «сокращенного дознания» // Юридическая наука и практика. Вестн. Нижегородской академии МВД России. 2013. № 22. С. 23–28.
5. *Определение Конституционного Суда РФ от 9 июня 2005 г. №327-О «По жалобе гражданина Чукова Анзаура Николаевича на нарушение его конституционных прав положениями пунктов 1 и 3 части первой статьи 6 и подпункта 1 пункта 2 части первой статьи 7 Федерального закона «Об оперативно-розыскной деятельности».* Документ опубликован не был.
6. *Определение Конституционного Суда РФ от 19 апреля 2007 г. № 342-О-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Жерноклеева Павла Ивановича на нарушение его конституционных прав пунктом 3 части первой статьи 6 Федерального закона «Об оперативно-розыскной деятельности».* Документ опубликован не был.
7. *Кассационное определение СК по уголовным делам Верховного Суда РФ от 21 марта 2006 года №14-О06-6.* Документ опубликован не был.
8. *Федеральный закон от 29 мая 2002 г. № 58-ФЗ «О внесении изменений в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации»* // Собрание законодательства РФ. 2002. № 22. Ст. 2027.
9. *Федеральный закон от 5 июня 2007 г. № 87-ФЗ «О внесении изменений в уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации»* // Собрание законодательства РФ. 2007. № 24. Ст. 2830.
10. *Белкин А.Р.* Новеллы уголовно-процессуального законодательства – шаг вперед или возврат на прошлые позиции? // Уголовное судопроизводство. 2013. № 3. С. 4–13.

Kalyuzhnyi A.N., Chaplygina V.N. DOI 10.17223/22253513/173

NOVELS OF REFORMING INSPECTION REPORTING CRIME: PROBLEMS AND WAYS OF IMPROVING THE IMPLEMENTATION

Key words: legal proceedings, criminal proceedings, procedural safeguards, pre-screening.

Reform of the criminal procedure provisions, the transformation of the Institute of the screening reports of crime has led to a change in the legal status of participants in criminal proceedings, from both the defense and the prosecution. The realities of modern life and the possibility of judicial and investigative practice it possible to evaluate the effectiveness of the changes, emphasized the urgency of the problem and demanded analysis produced stories that acted as the purpose of the study.

Using logic, legalistic, comparative legal and other methods of study, the authors argue that the possibility of giving explanations of persons engaged in preliminary check reports of crimes, the legislator has not fixed the remedial order production of the action, although obliged persons exercising their right to explain and obligations of parties to the criminal proceedings (Art. 11, Art. 144 Code of Criminal Procedure).

Were not fixed and procedural status of participants in the stage of initiation of criminal proceedings, whereby individuals to pre-screen, have to be guided by the general principles of criminal justice and his inner conviction.

Position h. 1, Art. 144 Code of Criminal Procedure, which regulates the ability of persons carrying out inspection reports of crimes, take samples, objects and documents in the manner prescribed by the criminal procedure law, in the course of its broad interpretation, allows a range of investigative actions, in which the possibility of withdrawal of samples of substances and items admissible before a criminal case, except to include the survey and inspection of the scene, objects and documents such

investigations as search and seizure, however, the analysis of specific rules governing the procedure and the characteristics of their production, inhibits the production of search and seizure to criminal prosecution.

Notwithstanding the provisions h. 1, Art. 144 Code of Criminal Procedure, allowing the possibility of production of stationary forensic and forensic psychiatric examinations prior to the initiation of criminal proceedings, the authors consider them to be impossible and unacceptable conduct, based on the specific objectives of the screening reports of crime, lack of data on the identity, uncertainty procedural status of the subject, Current timing and other steps.

The study authors concluded that determines its scientific novelty, according to which an increase in the number of investigative activities carried out at the stage of a criminal case, the legislator allowed to "break" the stereotype had exceptional opportunities of their production system by fixing the investigative activities carried out at this stage to general rule. Moreover, hasty innovations weak procedural regimentation of several of them, indicating the weakening of procedural guarantees participants in criminal proceedings, the uncertainty of their procedural status at the stage of a criminal case and the establishment of the legislator prerequisites for possible violations of individual rights.

References

1. Russian Federation. (2013) Federal Law № 23-FZ of 04.03.2013 "On Amendments to Article 62 and 303 of the Criminal Code and the Criminal Procedure Code of the Russian Federation". *Sobranie zakonodatel'stva RF*. 9. Art. 875. (In Russian).
2. Russian Federation. (1995) Federal Law № 144-FZ of 12.08.1995 "On operative-search activity". *Sobranie zakonodatel'stva RF*. 33. Art. 3349. (In Russian).
3. Russian Federation. (2001) The Russian Federation Code of Administrative Offences of December 30, 2001. *Sobranie zakonodatel'stva RF*. 1. Part 1. Art. 1. (In Russian).
4. Aleksandrov, A.S. & Lapatnikov, M.V. (2013) Old problems of evidential law in the new legal criminal procedure form of "shortened evidence". *Yuridicheskaya nauka i praktika. Vestn. Nizhegorodskoy akademii MVD Rossii – Bulletin of Nizhny Novgorod Academy of the Russian Interior Ministry*. 22. pp. 23-28. (In Russian).
5. Russian Federation. (2005) *Definition №327-O of the Constitutional Court on June 9, 2005, concerning the complaint of citizen Chukov Anzaur Nikolaevich concerning the violation of his constitutional rights provide by Paragraphs 1 and 3 of Article 6, Paragraph 1 and Paragraph 2 of Section 7 of the Federal Law "On operatively-search activities"*. (In Russian). (Not published).
6. Russian Federation. (2007) *Definition № 342-O-O of the Constitutional Court of the Russian Federation of April 19, 2007, On the refusal to accept for consideration the complaint of citizen Zhernokleev Pavel Ivanovich relating the violation of his constitutional rights provided by Paragraph 3 of Section 6 of the Federal Law "On operatively-search activities"*. (In Russian). (Not published).
7. Russian Federation. (2007) *Cassational ruling №14-O06-6 of SC Criminal Division of the Supreme Court on March 21, 2006*. (In Russian). (Not published).
8. Russian Federation. (2002) Federal Law № 58-FZ of May 29, 2002, On Amendments to the Criminal Procedure Code of the Russian Federation. *Sobranie zakonodatel'stva RF*. 22. Art. 2027. (In Russian).
9. Russian Federation. (2007) Federal Law № 87-FZ of June 5, 2007, On Amendments to the Criminal Procedure Code of the Russian Federation. *Sobranie zakonodatel'stva RF*. 24. Art. 2830. (In Russian).
10. Belkin, A.R. (2013) *Novelly ugovolno-protsessual'nogo zakonodatel'stva – shag vpered ili vozvrat na proshlye pozitsii? Ugolovnoe sudoproizvodstvo – Criminal Judicial Proceeding*. 3. pp. 4-13.